

Пролог

Рейн

*В дреме драконьей пробуждаются твари,
А где твари восстанут — пожаром взыграет
небесная твердь.*

Из древних речений жрецов Кеола

Дворец Алого заката

1 год правления Азраэля Фуркаго

— Принц Рейн, император примет вас через минуту.

Эти слова прозвучали сухо и бесстрастно, как скрип песка под сапогами палача.

Я стоял перед массивными, искусно украшенными дверями приемной, и каждый удар сердца отдавался в висках грохотом осадного орудия. Аудиенция у брата... У императора. Того, кто не только взошел на трон, но и женился на *моей* жене.

Кожа нестерпимо горела под татуировкой — зна́ком нашего с Анисой брачного обряда. Рисунок померк, стал едва различим. Но в нем еще теплилась жизнь... Или огонек моей последней надежды?

Я не понимал. Не понимал, почему Аниса выстрелила в меня. Прямо в грудь. Лекарь сказал, что я был на волосок от смерти.

— Можете войти, принц Рейн. Его величество император ждет вас.

Окованные бронзой створки распахнулись бесшумно, словно пасть хищного зверя, готового поглотить очередную жертву. Зал официальных приемов. Видимо, для собственного брата я теперь значу не больше какого-нибудь посла.

Стража заполонила все огромное пространство. Элитные воины, присягнувшие зеленому дракону, личная гвардия императора. Мой брат боялся меня. Меня, едва стоящего на ногах, ослабевшего после месяцев, проведенных на грани между жизнью и смертью.

Как только я очнулся, как только смог заставить себя двигаться, я стал рваться сюда. Мне нужно было все выяснить. К «императрице» меня не пустили. Даже в ее крыло дворца. Дали понять — меня там не ждут. И единственное место, кроме лазарета, где в проклятом дворце соизвоили принять принца, — это тронный зал.

Я шел вперед медленно, через боль, к которой уже привык за проведенные здесь годы. Чужак, приемыш. Если Дэниел всего лишь родился вне брака, то я был никем. Но отец так жаждал заполучить в свою «коллекцию» дитто черного дракона, что признал меня сыном. Для прочих я навсегда остался мерзкой занозой в теле императорской семьи.

Приказ отца защищал меня, пока он был жив. А потом... Потом меня несколько раз пытались убить. И моей жене это почти удалось.

Преклонив колено, как того требовал этикет, я присягнул брату на верность. Показал, что дитто черного дракона под-

держивает нового императора. Исполнил роль, которую он мне отвел.

Того, кто восседал на троне, я больше не мог назвать братом вслух. В его глазах, всегда смотревших на меня с презрительным прищуром, появилось нечто новое. Гораздо более страшное.

— Рейн, — холодно произнес император, — поднимись. Должен признать, я тебя уже не ждал.

Он сидел на каменном троне, что веками служил символом власти их рода. Величественный, недостижимый и чужой. Таким чужим Азраэль мне еще не казался.

— Я здесь, чтобы узнать... — начал я, но голос предательски дрогнул.

Император усмехнулся, и эта усмешка была хуже удара плетью.

— О, ты многое пропустил, Рейн. Таррвания обрела не только нового императора, но и императрицу. Твоя... бывшая любовь, Аниса, теперь моя жена. — Он произнес это с наслаждением, растягивая слова, наблюдая за моей реакцией из-под полупущенных век. — И она превосходно согревает мое ложе. Империя, знаешь ли, ждет наследников. Сильных, здоровых наследников.

Внутри все оборвалось. Бледная татуировка нестерпимо саднила кожу. Он ведь не знал. Император не знал о нашей клятве. А значит, их с Анисой брак... Как он мог быть законным? Эта мысль промелькнула и погасла, утонув в волне всепоглощающей боли. Я не мог думать. Не мог дышать. И не мог подать вида, что захлебываюсь отчаянием.

— Я... рад за вас, ваше величество, — выдавил я и сам не узнал своего голоса.

— Рад? — Он склонил голову набок, словно изучая диковинного зверя. — Сомневаюсь. Но твоя покорность, то, что

ты встал передо мной на колени, заслуживает некоторой... признательности. Хотя веры в братскую любовь у меня больше нет. Не после предательства Дэниела. И Александра. — Имена прозвучали как удары грома. Что эти двое сотворили? В чем столь ужасном провинились, что Азраэль, всегда сдержанный, говорит о них с такой неприкрытой ненавистью? Он поморщился и добавил: — Учти, Рейн, я подарил тебе жизнь. Исключительно благодаря твоему статусу, наследию нашего отца, как бы я к этому ни относился. И, — он сделал паузу, пробуя слова на вкус, — Аниса просила за тебя. Просила пощадить.

Аниса просила... Это должно было принести облегчение? Или усилить агонию?

— Отныне, — продолжил император, его голос вновь обрел металлическую твердость, — ты будешь служить империи на торговых путях. Станешь капитаном морского судна. Но запомни: если ступишь на сушу без моего прямого приказа, это будет иметь самые неприятные последствия.

Изгнание. Почетная ссылка. Он отсылал меня подальше от дворца, от Анисы, от всего, что было мне дорого.

— А что... что с Дэниелом? И Александром?

Я должен был спросить. Несмотря на слабость, на туман в голове, я должен был.

На губах императора снова появилась та ледяная усмешка.

— Дэниел... К нему я тоже проявил милосердие. Лишил его не жизни, а имени. Отныне он изгнанник, и его зовут Костераль, — с особым, зловещим нажимом произнес император. — Принц-бастард, новый правитель Сожженных земель. Любое неповиновение со стороны этих тварей... Костераль лично будет сжигать их заживо. Такова его роль. Так он служит империи.

Мое сердце сжалось от ужаса. Дэниел... Костераль... Тот, кто любил все живое, кто не мог причинить вреда даже самому малому существу... теперь должен будет убивать? Сжигать заживо по приказу этого чудовища, сидящего на троне?

Я смотрел на Азраэля Фуркаго, императора Таррвании, и видел перед собой не дитто, а воплощение тьмы, расправляющей огромные крылья. И тень их уже начала погружать мир во мрак.

Глава 1

Кристен

Холод не сломит того, в ком пламя не угасло.

Наказ дозорных северных застав

Земли Последнего предела

945 год правления Астрэля Фуркаго

Холодный ветер терзал мое лицо, пока я смотрела, как гаснет кровавый свет дня — свет, что, казалось, уходит навсегда, оставляет мир под гнетом тьмы. Небеса рвались клочьями набухших сажей туч, расплзались кровотокающей раной.

В этом багровом мареве реяли огненные драконы. Их чешуя, похожая на расплавленное золото, ловила последние отсветы заката. То был не полет — воплощение скорби в стынувших небесах. Драконы оплакивали Костеряля, своего вожака, павшего в беспощадной бойне. Его гибель стала раной, врезавшейся в их пылающие души. Теряясь в свинцовых облаках, драконы оставляли шлейфы огненных слез, что пеплом падали на землю.

Я стояла на гребне холма — изваяние из льда и ненависти. Внизу голодной сворой собрался мой отряд. Тридцать стра-

жей. Я не знала их имен, не хотела знать — эти воины были просто инструментом моей мести.

Я ждала слишком долго. В сердце не осталось места для скорби. Смерть Костеряля — не трагедия, а дар. Возможность. Шанс добраться до Александра. И любой, кто встанет на пути, будет уничтожен.

Мой взгляд провожал драконов, что один за другим устремлялись к земле, желая слиться с прахом. Я ощущала их боль — густую, душащую. Но не позволяла ей коснуться себя. В нашем мире сочувствие — глупая роскошь; здесь правят те, кто вовсе ничего не чувствует, и победить их можно, лишь уподобившись им. Голова оставалась холодной, мысли — острыми как лезвие. Все они были об одном: как скоро падет Александр и какой сладкой будет месть.

Тишину разорвал истошный рев. Нарушив скорбный строй, вверх взмыл один из драконов. Он кричал от ярости, призывал к отмщению. Волна его ненависти захлестнула меня, резонируя с тьмой в глубине души.

— Он должен заплатить. За все, — твердо произнесла я. — За гибель наших товарищей. За Бастарию. Мы не станем просто смотреть, как он играет нашими жизнями.

Стражи подняли головы. Я взглянула в их лица, увидела страх под масками отчаянной решимости. Месть — это обоюдоострый клинок, и он всегда неизбежно ранит того, кто осмелится взять его в руки.

Но снизу донесся уверенный, спокойный голос:

— Мы готовы, Кристен.

Я коротко кивнула. Никаких колебаний. Небо истекало кровью заката, драконы танцевали свой последний танец. А внутри меня уже горело иное пламя — огонь ярости. Скоро. Очень скоро мы обрушимся на Александра как гнев богодраконов. И ничто не остановит нас.

— Ждите моего сигнала, — сказала я.

Когда драконы снова закричали, их рев слился с воем бури в погребальную песнь. Час пробил, Александр. Это *твой* смертный час.

Внизу, в лощине под холмом, собрались те, кто любил принца Костеряля. Все молчали, скорбя о его смерти. Александр, когда-то внушавший им страх, теперь выглядел сломленным, стоял на коленях. Всем своим видом показывал, как искренне горюет.

Шестеро несли тело Костеряля, покрытое огненной накидкой — реликвией, передававшейся из поколения в поколение. Языки неугасающего пламени целовали холодный ветер. Я не знала в лицо никого из носильщиков, кроме Аллистра. Его скорбный вид напомнил мне о похоронах Иниго.

Тогда Александр тоже стоял на коленях, давился притворными рыданиями. Но этому чудовищу больше никого не обмануть. Он забывал всех, кого терял, как забыл моего брата. Он уничтожил Бастарию. И продолжал делать вид, будто не понимает, чем все это заслужил.

Погребальная процессия двигалась медленно, словно не желая прощаться с Костералем навсегда. Я ощущала их горе, но не разделяла его. Все мои чувства отравило одно предательство.

Я вспоминала дни в Бастарии, когда мы с братом смеялись над глупыми шутками и строили планы на будущее. Теперь нет ни Бастарии, ни Иниго, ни будущего. Александр отнял у меня все.

Он поднял голову и встретился со мной взглядом. В его глазах я увидела не только слезы: он знал, что должен ответить за свои поступки.

И я поняла, что больше не могу, не хочу, не имею права ждать. Этот взгляд стал сигналом. Я здесь. Я выжила. И я не отступлю.

Александр не мог не знать, что сейчас, как только закончится прощальная церемония и огненные драконы улетят, он останется один. Я сжала кулаки. Если бы не Бастария, может быть, я бы теперь подошла и обняла его как друга? Но он сделал выбор. Решил следовать своим путем, к своей цели.

Когда все ушли, Александр остался на коленях у могилы Костераля. Я дала знак своим людям и сделала первый шаг.

— Александр!

Он не испугался. Не вздрогнул. Только медленно повернул голову.

— Я немного занят, Кристен. Хороню своего друга.

Слово «друг» ранило меня. Где та дружба, что связывала их с Иниго?

Я сжала в руках меч брата. Не просто клинок — символ моей потери.

— Вставай, — сказала я. — Или я положу тебя рядом с ним.

Александр усмехнулся.

— Похоже, ты намерена убить меня в любом случае. Но прежде хочешь высказаться. Иначе уже нанесла бы удар. — Он смиренно, почти беспечно прикрыл глаза. — Что ж, я слушаю.

Я до боли сжала челюсти и процедила:

— Что ж, слушай. — Острие клинка уперлось Александру в плечо. — Я потеряла обоих братьев. Сперва Шо, потом Иниго. А ты лишил меня последнего утешения, единственной цели. Убил всех тех, кого я любила как родных. Разрушил мою карьеру, растоптал мою честь. Уничтожив Бастарию, ты уничтожил меня — и создал врага, которому нечего терять. Во всем, что с тобой случилось, виноват только ты сам.

Александр слушал, не перебивая. Его лицо оставалось бесстрастным, но взгляд изменился — осознание пронизала боль.

— Как и ты, я многое потерял, Кристен, — ответил Александр. — И не собирался делать тебя своим врагом, потому что ты тоже жертва. Твоя семья обидела тебя. Твоя родня. Твои любимые стражи. Они не так уж безгрешны. Впрочем, ты не глупа и наверняка догадываешься... Я вынужден подтвердить твои догадки.

Мое сердце на мгновение замерло.

— О чем ты, чтоб тебя?

— О твоих братьях, Шо и Иниго. И о твоих родителях. — Александр встал и взглянул мне прямо в лицо. — Тот пожар не был случайностью. Шо не просто погиб. Его убили, чтобы лишить Иниго самой веской причины оставаться на Земле. Чтобы он согласился стать стражем. Твои родители решили, что ради славы семьи, ради старшего сына они готовы пожертвовать младшим.

— Нет... — едва слышно выдохнула я. — Что... Не может быть...

— Это не все, — перебил Александр. — Они отдали этот приказ Отто. И он его выполнил. Твоего младшего брата убил тот самый Отто, за которого ты так хочешь отомстить.

Я не могла произнести ни слова. Столько лет... Да, я догадывалась, что с гибелью Шо все не так-то просто, но... Я не знала. Даже не представляла, что моя семья способна на такое. Что все это время я охотилась не на тех, кто действительно заслуживал наказания.

Александр продолжал. Он напомнил о том, что не тронул Киру, даже зная о ее причастности к убийству Бо и Иниго. Он верил: предательницу найдут и накажут по справедливости. Так и вышло — мы с Эженом наблюдали за казнью

Киры с наслаждением... но даже не попытались понять, кто стоит за ее деяниями.

Впрочем, это уже перестало быть тайной. Всем управлял император. Азраэль Фуркаго.

— А теперь скажи мне, — спокойно добавил Александр, — кто здесь настоящий палач?

Мое горло сдавили слезы, и я сорвалась на крик:

— Ты не имеешь права так говорить! Не имеешь права выбирать, кто достоин смерти, а кто — нет! Ты убил их всех! Ты убил моих товарищей, моих друзей! Мой брат погиб вместо тебя!

— А ты когда-нибудь задумывалась, почему Иниго пошел на это? — спросил Александр, не поведя бровью. — Потому что он видел во мне человека. А все вы... вы лишь выполняли приказы. Вы использовали меня. Я сохранил тебе жизнь в надежде, что ты все поймешь и встанешь на мою сторону. Но ты побежала к императору. К тому, кто виноват в смерти твоего брата. К тому, кто уничтожает храмы, богов, существ. К тому, кто хочет сделать зеленого дракона единственным божеством. Ты действительно считаешь, что имеешь право судить меня?

Меч в моей руке потяжелел.

— Я пришла не для того, чтобы судить. Я пришла за возмездием.

— Тогда ты получила больше, чем ожидала. Ты знаешь правду. Теперь она будет жить внутри тебя. Так же, как живет внутри меня. — Александр помолчал, а затем повернулся к стражам и произнес: — Взять ее.

Глава 2

Аниса

*Война поет известную мелодию —
и каждый внемлет собственной строфе.*

Стихи плохого таррванийского поэта

Крепость Черное Крыло

946 год правления Астрэзля Фуркаго

Письмо жгло пальцы. Я сминала пергамент в кулаке до хруста, до боли в костяшках, а затем вновь судорожно разглаживала. Наконец резким движением сунула письмо в тайник прикроватного шкафчика, словно ядовитую змею. Подальше от глаз, подальше от сердца, которое и так разрывалось на части.

Уже неделя... Или две? Время после погребения Костеря текло вязкой мутной рекой. Я теряла счет дням, лишь безотчетно царапала черточки на клочке пергамента, который раздобыла для меня моя Бета — молчаливая тень, назначенная служанкой. Она приходила, бесшумно скользила по комнате, наводя порядок, которого я не замечала. А я... я старалась исчезнуть. Раствориться в четырех стенах, стать невидимой. Особенно — для него. Для мужа.

Крепость гудела, как растревоженный улей. Отрывистые команды, лязг металла, скрип телег с провизией и оружием. Защитные руны активировались одна за другой, и от их свечения на каменных стенах плясали тревожные тени. Осада. Скоро они придут. Вся крепость знала это. Все готовились.

Все, кроме меня. Я была бесполезна, раздавлена собственным страхом. Даже воздух вокруг казался слишком тяжелым, слишком плотным — мои легкие отказывались его принимать. Каждый новый вдох превращался в сражение.

Это слово — «муж» — пронзало меня ледяным осколком. Как? Как можно было так истово любить, так тянуться к нему каждой частицей души, так иступленно мечтать о нем — и теперь... теперь отшатываться от одной мысли о его близости? Я ведь ждала этого, грезил о нашем соединении, хотела... Но не могу. Невидимая стена встала между нами. Словно я смотрю на него сквозь кровавую пелену — и вижу совершенно другого мужчину. Чудовище.

Дрожь пробежала по телу, усиливаясь с каждым мгновением, пока не превратилась в неконтролируемую судорогу. Сердце забило в груди бешеной птицей, раздирая ребра, а ледяной пот выступил на коже, несмотря на тепло от камина. Я сползла по стене, сжимаясь в комок. Очередной приступ. Третий за день. Они приходили волнами, накрывали с головой, забирая последние силы.

Война не только поджидала снаружи. Моя собственная душа находилась в осаде, и я не знала, как долго еще продержатся хрупкие стены рассудка.

— Госпожа, позвольте. — Тихий голос Беты вывел меня из оцепенения. Я не заметила, как она вошла. В руках Бета держала дымящуюся чашу. — Магистр Кайрен прислал отвар. Он поможет.

Горький запах трав ударил в нос. Отвар обжег горло, но почти сразу в груди разлилось тепло.

— Это уже пятый настой за два дня, — пробормотала я, возвращая пустую чашу. — Он не помогает. Ничего не помогает.

— Магистр сказал, что травы могут лишь смягчить муки, но не исцелить душевную рану, — осторожно ответила Бета. — Для исцеления нужно нечто большее...

Она не договорила, но я догадалась. Нечто большее. Прощение. Понимание. Любовь. Все то, чего у меня уже не осталось.

Ночи стали пыткой. Я проваливалась в беспокойный сон, лишь чтобы тут же вынырнуть из него в холодном поту, с криком, застрявшим в горле. Образы преследовали меня: его руки — в крови. Его глаза — пустые, безжалостные. Он — один из клинков моего брата, одно из орудий этой войны, карающий меч, обращенный против тех, кто посмел встать на пути к престолу. Он превратился в такого же убийцу, как те, кого я ненавидела. Жаждающий власти, ступающий по трупам. Один из главных претендентов... Я не узнавала его в этом кровожадном честолюбце. Он был потерян для меня.

Снаружи донесся грохот — тяжелые щиты устанавливали на внешних стенах. Ворота скоро запечатают. Мы окажемся в ловушке, как звери в клетке, и на нас будут охотиться. Мысль об этом вызвала новую волну удушающего страха. Дыши. Дыши.

Лекарь говорил, что мой разум пытается защититься, что ужас перед осадой смешивается с моими воспоминаниями, делая их еще более чудовищными. Возможно, он прав. Но какая разница? Страх реален. Боль реальна. И предательство... оно тоже реально.

А письмо... письмо, которое он передал мне тогда, — словно последняя, самая жестокая насмешка судьбы. Весточка от Джеймса. Мой друг, мой верный Джеймс, погибший

ради моего возрождения. Погибший так нелепо, так глупо... Как он мог? Как мог не уследить, пропустить удар?! Он стал человеком, чтобы вернуть меня к жизни. А тот, кого я звала мужем, стал убийцей... Ради чего? Власть? Трон? Я тонула в этих вопросах и не находила ответа.

Дыхание снова оборвалось. Я прижала руку к груди, чувствуя, как сердце колотится о ребра — болезненно, рвано, словно раненый зверь. Крики из-за окна усилились. Комната вокруг меня начала расплываться, стены сжимались, потолок опускался, грозя раздавить своей тяжестью.

— Дышите, госпожа. Просто дышите. — Бета села рядом со мной на колени, взяла мои ледяные пальцы в свои. — Вдох... и выдох. Медленно. Они не прорвутся. Стены выдержат. Вы в безопасности.

Безопасность... Какая ирония. Когда я в последний раз чувствовала себя в безопасности? До смерти Костераля? До того, как узнала, кем на самом деле стал мой муж? До того, как война подошла к воротам нашего убежища?

Я искала уединения, пряталась от сочувствующих взглядов, от шепота за дверью. Мне следовало собрать осколки себя, осколки разума после того кровавого марева, что поглотило мою жизнь. И я была благодарна — богам ли, судьбе ли, — что до сих пор меня оставляли в покое.

— Говорят, армия принца уже в двух днях пути, — шепнула Бета, растирая мои руки. — Он разобьет лагерь у подножия холма. Магистр Кайрен уверен, что наши щиты выдержат даже драконий огонь.

Я невесело усмехнулась. Драконий огонь. Когда-то я жила на планете, где драконы — это миф, выдумка для детей и любителей фэнтези. А теперь мы готовимся к их атаке. Мир перевернулся с ног на голову.

— Принеси мне еще отвара, — попросила я, когда дыхание немного выравнилось. — И... и скажи магистру спасибо.